

22 июня, в День памяти и скорби, объявлено поеду подо Ржев, чтобы поклониться героям минувшей Великой войны. Уверен: несмотря на пандемию, у меня будет много единомышленников и попутчиков. Там есть, кому поклониться. И есть теперь, где поклониться. Имею в виду сооружённый в прошлом году Мемориал советскому солдату под Ржевом. Читаю мнения иностранцев о нём в интернете.

Stalk The Hype, Швеция: «Черт, русские знают, как ставить красивые памятники!». Пользователь *gatali 96 из Греции* благодаря памятнику понял, о чем фильм «Летят журавли»: «Да, мне было интересно, почему так называется этот старый русский фильм «Летят журавли». Я смотрел его много лет назад и плакал. Но я так и не понял тогда название. Теперь мне это понятно».

«Совершенно неожиданно для обычных памятников солдатам, которые обычно мчатся вперёд, навора оружие на что-то. Война — это ад, и статуя прекрасно это изображает, когда оружие направлено вниз, и мрачное лицо смотрит на имена павших солдат. Такими должны быть настоящие мемориалы...», — *Aushtaras из Литвы*.

«Это действительно хорошо отражает дух войны», — считает *Cheat SSe из Бельгии*.

Patient Pear из Германии: «Я считаю, что «Родина-мать зовёт» впечатляет, но этот памятник даже лучше».

«Чёрт возьми, это выглядит потрясающе!» — категорично заявляет *Hoolio 03 из Норвегии*.

Пользователь *Neerth:* «Это действительно хорошая статуя, хотя... Нужно было покрасить несущую конструкцию в белый цвет».

Восторженные отзывы соотечественников, как правило, подтверждают эти оценки.

Мне довелось увидеть проект задолго до реализации. Однажды, странствуя по интернету, натолкнулся на фотографию скульптуры. Взглянув, пошёл странствовать дальше в поисках любопытных фактов, но вновь и вновь возвращался к находке. Каждый раз создавалось ощущение, что что-то недоглядел, не заметил, упустил. Каждый раз царапало, цепляло за душу, приводило в трепет. А когда выяснилось, что это фотография Мемориального комплекса советскому солдату, который планируется возвести под Ржевом по проекту скульптора Андрея Коробцова, трепетное чувство усилилось.

Задавал себе и знакомым вопрос: уж больно молод ваятель, справится ли? Всё-таки прославленный Вучетич большинство известных произведений, в том числе и монумент «Родина-мать зовёт», создал в более почтенном возрасте. Знакомые успокаивали: «Справится! Он, как и Вучетич, трудолюбив». Их мнение оказалось верным. Автор действительно молод. Родился Андрей в 1987 году в Казахстане, но «сознательное» детство приходится на Белгородчину, на Губкин, куда семья переехала в постсоветские времена. Губкин — город, в котором властвует горняцкая кровь. Здесь, в шахте и на руднике, в огромных количествах добывают железную руду, доводят её до технологических кондиций и отправляют на отечественные и зарубежные металлургические предприятия. Берут охотно. Качество отменное. В этой среде, хорошо знающей, что такое тяжёлый физический труд, преклоняющийся перед мужской силой и отнюдь не относящей вание к насущным потребностям, и сформировался Коробцов.

Сформировался, пожалуй, не то слово. Скорее, обнаружил задатки. С детства лепил массу из всех подручных материалов: пластилина, снега, глины. Лепил всё: зверей, птиц, деревья, цветы, здания. И выходили они притягательнее непосредственными, с такими подробностями и деталями, которые придавали лепке естественность, натуральность, объёмность. В лицее, где учился, заметили эту увлечённость. Заметив, посоветовали родителям определить юного ваятеля в художественную школу. Была преодолена ещё одна ступенька к редкой для города профессии. На следующую ступил не сразу; и сомнения терзали душу, и первая попытка поступить в Академию живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова не увенчалась успехом. Пришлось брать недостижимую, казалось бы, высоту во второй раз, предвстав пред ясны очи самого Глазунова. В академию Коробцов был зачислен — без обычной в таких случаях оплаты за учёбу. Мастер ценил дарования высоко, лично искал талантливых молодых людей. Выходящим из семей, которых обогащение не коснулось, делал исключения. Андрей не подвёл наставника, используя всё, что было доступно, а порой и не очень, чтобы самому стать мастером. Таковы истоки оптимизма моих оппонентов, а затем — и мои.

Но дело не только в наших абстрактных логических умозаключениях. С инициативой создания в Тверской области Ржевского мемориального комплекса советскому солдату выступили ветераны. Она была поддержана на государственном и общественном уровнях. В конкурсе на лучший проект участвовали почти два десятка ваятелей, часть из которых уже получала дивиденды за работы в виде грантов, авторитета, солидных званий. Но жюри решило: комплекс будет создан на основе предложений Коробцова и его коллеги архитектора Андрея Фомина. Молодые ваятели обошли очень именитых коллег-соперников. Получается, и именитое жюри «царянуло».

Пытаюсь чувства «положить» на логику, на арифметику жизни. И становится ясно, что особенность композиции обусловлена тщательно взвешенными особенностями Ржевского сражения. В районе Ржева, примерно в 150 километрах от Москвы, после зимнего наступления Красной армии образовался аппендикс, неприятный для противоборствующих сторон. Немцы при удаче в считанные часы могли превратить выступ в давку

для столицы, окружив её. А наши войска при удаче накинуги бы петлю на большую фашистскую группировку. Поэтому и те, и другие были начеку, и те, и другие с января 1942 по апрель 1943 года с большим упорством отстаивали позиции. Военный корреспондент Илья Эренбург вспоминал: «Мне не удалось побывать у Сталинаграда... Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоившие больше человеческих жизней, но не было, кажется, другого столь печального — неделями шли бои за пять-шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома да крохотный бугорок... Наши заняли аэродром, а военный городок был в руках немцев... В штабах лежали карты с квадратами города, но порой от улиц не было следа... Несколько раз я слышал немецкие песни, отдельные слова — враги копошились в таких же окопах...».

Под Ржевом Высоцкий не был, но кажется мне, что боевыми действиями под городом рождены его трепещущие строки:

Алексей МАНАЕВ

Там, под Ржевом...

К 80-летию трагической даты

Как разрезы траншеи легли, И воронки — как раны, зияют. Обнажённые нервы Земли Неземное страдание знают.

Были у нас и локальные успехи. Во время первой Ржевско-Сычёвской операции советские войска продвинулись на запад на 40-45 километров, освободили три районных центра, оттянули силы противника с других направлений и в сентябре 1942 года сумели ворваться в Ржев, однако немцам удалось вернуть город.

В постсоветские времена появились доморощенные стратеги, зачастую нидня в армии не служившие, которые считают, что это была игра, мягко говоря, в один ворота. Били, естественно, нас. И виноваты в этом избиении, разумеется, наши полководцы, которые щедро расплачивались десятками, сотнями тысяч жизней солдат за стратегические и тактические просчёты, за никуда не годное материально-техническое обеспечение, за нехватку снарядов, бомб, а порой — даже винтовок. То есть нас били просто потому, что мы — лохи. Другие варианты не рассматриваются.

К сожалению, в чем-то они правы. И без просчётов не обошлось. И у Красной армии действительно не хватало всего — самолётов, танков, артиллерии, средств связи, транспорта. По образному выражению одного из авторитетных историков, на снаряд, выпущенный по немцам, в наши окопы прилетало два-три. Не злой умысел полой виной, не «лоховая» недальновидность. Многие виды вооружений не успели освоить. Эвакуированные на восток предприятия, в экстремальных условиях налаживая производство, объективно не могли обеспечить фронт всем необходимым в полной мере. Приходилось воевать тем, что есть. Приходилось считаться с тем, как складывались международная ситуация. А те, кто её «складывал», думали отнюдь не о том, чтобы быстрее прийти на помощь СССР.

Сейчас «доблестное» руководство Польши воевою честит Красную армию: не так-де воевала. А вот как воевали наши «вечные братья» — поляки. В соответствии с соглашением между польским эмигрантским правительством и СССР в августе 1941 года на нашей территории началось формирование армии Андерса. Комплектовали её польскими военнослужащими, взятыми в плен во время освободительного похода Красной армии на Западную Украину и Западную Белорусию в сентябре 1939 года. Командиром этого воинского соединения назначили генерала Владислава Андерса. Отсюда и название армии.

Наша страна отвечала за оснащение и обеспечение поляков, выделив более 187 миллионов рублей, которые польское эмигрантское правительство обязалось вернуть. Сумма огромная. Она позволяла оснастить полноценную танковую армию в тысячу боевых машин. Для сравнения, во время решающих боев на Ржевском выступе летом-осенью 1942 года Западный и Калининский фронты РККА имели в своём составе 1700 танков. В этих боях и предполагалось использовать армию Андерса, которая к тому времени должна была насчитывать 96 тысяч солдат и офицеров. Рассчитывая на поляков, советские войска перешли в наступление, существенно потеснили немцев и даже на время заняли Ржев. Подойди поляки на помощь, исход сражения был бы предрешён, а Германия потерпела бы сокрушительное поражение уже в 1942 году.

Но вместо этого армия Андерса эвакуировалась подальше от военных действий — к англичанам на Ближний Восток. Вот почему немцам, утверждающим историю, тогда удалось отбить Ржев. Мало того, поляки отказались от гарантий погасить задолженность перед СССР, создав финансовые трудности для обеспечения Красной Армии. Польское эмигрантское правительство и руководство армии Андерса с конца 1941 года через своих представителей начало переговоры с нацистами о переходе на их сторону. Единственное условие, которое выдвигалось — создание польского марионетного государства под эгидой Германии. Такими они оказались, лишь «абрашники».

Приходилось полагаться только на себя. Имелось немного и одновременно много — если иметь в виду мужество солдат и офицеров. А ещё — природно-климатические условия. Затянувшийся «бег на месте» был нам на руку. Представим себе на минутку, какой ущерб наносили бы немецкие моторизованные части, поддерживаемые артиллерией, танками и авиацией, если бы они действовали в степных просторах. Представить легко, вспомнив лавинный бросок фашистов до Сталинграда.

Значит, надо было изматывать противника в лесах и болотах, где его преимуществ в вооружении сводились на нет, надо было не давать захватчикам прийти в чувство. Авторитетные специалисты осуждают либералов за то, что из поля исторического осмысления была выве-

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

дена гениальная по реализации стратегическая игра советского командования и государственного руководства. Игра, которая позволила ценой относительно небольших потерь (по сравнению с возможными потерями на степных фронтах) на год лишит лучшую в мире армию преимуществ, навязать значительной её части позиционную борьбу за удержание невыгодных позиций. Навязать этой части борьбу в таких географических условиях и по таким правилам, при которых имевшие место существенные недостатки технического оснащения и подготовки Красной армии нивелировались.

Наоборот, в этих условиях она приобрела возможность полноценно вести огневой бой, эффекивно использовать нараставшее превосходство СССР в производстве танков, пушек, артиллерии и боеприпасов.

Фашисты понимали стратегическую важность выступа и опасность окружения, поэтому держали здесь отборные, хорошо вооружённые дивизии. Южные

И беречь её свято, Братья, счастье своё — В память воина-брата, Что полюб за неё.

Многие коллеги-соперники Коробцова наказ «горевать — горделиво», «ликовать не хвастливо» не прочувствовали, основывая проекты исключительно на опыте Вучетича. Наш молодой скульптор понял, что соревноваться с Вучетичем в масштабности, монументальности, апофеозности неуместно. Нужна иная стилистика — более камерная, более интимная, прокладывающая путь к зрителю не магией размеров, не гиперболизированной красотой символов, а приближением образа к естеству, к самой жизни.

Этот приём тоже не Коробцовым изобретён. Скульптурные герои давно сошли с пьедесталов и «пошли в народ», демонстрируя неразрывную с ним связь. Не всем зрителям «показательное хождение в народ» по душе, особенно тогда, когда автору не хватает чувства меры. На Арбате в Москве сооружён памятник

ди и сзади снопам падали подкошенные осколками и автоматнo-пулемётными очередями сослуживцы. А он бежал и бежал, петляя, как заяц, между разрывами, туда, где змейкой извиваются вражеские окопы. Там спасение — себя и страны. На самом бруствере он успел выпустить очередь вслед убегающим мышиного цвета шинелям, бросить в пасть окопа гранату. И здесь, на бруствере его сразила вражеская пуля.

Врёшь, не возмёшь, думал солдат, теряя сознание. И он ожил — в наших сердцах благодаря памяти, благодаря памятнику. Он пришёл, чтобы обнять нас, его соотечественников. Исподволь возникает, растёт и крепнет облагораживающее чувство: герои не уходят в никуда, они с нами, среди нас. Они не сказочные богатыри, а обыкновенные люди, оказавшиеся по духу богатырями. Это наши прадеды и деды, это наши отцы и братья. Памятник — не лермонтовский укор нам, живущим: богатыри — не вы. Это своего рода икона, побуждающая к исповеди,

бразить роденовский «Поцелуй», другие занялись эпическим многозначительным гигантизмом (памятник Петру I в Москве), третьи кроме монументов браткам уже ничего не могут (и не хотят) делать. А четвёртые... Четвёртые несмотря ни на что все-таки обращались к героическому настоющему и прошлому народа. В их ряды встал и Коробцов.

Он понимает, что избрал непростой путь. Либеральные наши братья и сестры, повторяю, слово «патриотизм» на дух не переносят. По их странной логике Отечество любить нельзя, мы обязаны его ненавидеть. Над патриотизмом должно возвыситься знамя космополитизма, коллаборационизма или сексуальной раскрепощённости. Вместо долга — похоть, вместо нравственных пьедесталов выгребные помойные ямы нутра. Всё это уже давно «не работает». Вспоминается анекдот:

Покупатель продавцу в магазине: — Здраствуйте, у вас лубок есть? — Нет. — А когда будет? — Не знаю, климат изменился... она редко бывает. Возьмите секс. — Извините, я розу прошу, а не лопух.

Нам стремятся всучить лопухи на каждом шагу. Наши «эбксмотрящие» талдычат об одном и том же, часто цитируя Оруэлла. Но цитируют то, что выгодно. А вот что писал Джордж Оруэлл ещё в 1940 году. «Человек — не особь, он лишь клеточка вечнoсущего организма, и смутно он это сознает. Иначе не объяснить, отчего человек готов погибнуть в бою. Нелепо утверждать, что он так поступает исключительно по принуждению. Если бы принуждать приходилось целые армии, невозможной сделалась бы любая война. Люди погибают, сражаясь из-за абстракций, именуемых «честью», «долгом», «патриотизмом» и так далее, — разумеется, не в охотку, но, во всяком случае, по собственному выбору». В другой работе он утверждает: «Погибших нет, колы Англия жива», — звучит высокопарной болтовнёй, но замените слово «Англия» любым другим по вашему предпочтению, и вы убедитесь, что тут схвачен один из главных стимулов человеческого поведения».

Иллюстрация этого выбора — судьба пограничника Евгения Родионова, попавшего со товарищи в плен к чеченским боевикам. Он мог остаться в живых. И «всего-то» надо было — принять ислам, снять крест. Не снял. Продержался сто дней пыток. Не выдержали бандиты — обезглавили солдата, почти мальчишку, в его день рождения, 23 мая 1996 года. Коробцов изваял героя в полный рост и представил в качестве дипломной работы, получив отличную оценку, да ещё и с похвалой. И есть что-то неуловимое и в то же время отчётливо просматриваемое в Ржевском памятнике советскому солдату и в дипломном проекте. На могилу героя, специально для того, чтобы отдать дань уважения русскому солдату Евгению, прилетал из Великобритании войсковой капеллан: «На примере подвига вашего сына буду воспитывать английских солдат, — сказал он матери Евгения, — ведь в нашей контрактной армии таких героев, как Жёна, нет». В нашей, утверждает Андрей Коробцов, есть — целые армии, весь народ.

А после диплома тоже по нынешним временам весьма непопулярная тема — памятники первопроходцам Курской магнитной аномалии в Губкине и металургам в Туле. Они выполнены по всем канонам классической скульптуры. Автор делает это сознательно, подчёркивая историческую и духовную связь творчества с прошлым и будто специально броса вызов тем коллегам, которые от этих канонов и от этих тем отторчаются, как чёрт от лада. Почитатель творчества Коробцова его линия поведения с акцентом на гражданственность радует больше всего.

Вообще, без полемического задора, без публицистического подтекста творчество Андрея Коробцова представить трудно. Когда в Калуге был открыт памятник Ивану III, собиравшему русских земель, немедленно возникла дискуссия. Одни указывали на портретное несоответствие героя с прототипом. По мнению других, стремительность царя была свойственной, скорее, Ермаку, нежелки государю, человеку осмотрительному и расчётливому. Высказывались мнения, будто автор увлёкся гиперболой, и памятник утратил эстетическое обаяние, превратившись в символ. Каждый, конечно, имеет право на свою точку зрения. Но каждый аналитик должен задать себе элементарный вопрос: зачем Коробцов взял гиперболу на вооружение, почему отказался от абсолютной похоти, как, скажем, и Михаил Козловский, автор памятника полководцу Александру Суворову в Санкт-Петербурге, открытому в стародавние времена — ещё в 1801 году?

Думается, тут сыграли роль два обстоятельства. Во-первых, такой стиль делает героя похожим на былинные персонажи, указывая на глубокие корни русского духа, русского задора и русской хватки. Во-вторых, былинная аллегория величия если не противопоставляется нашему времени в абсолютном смысле, то бросает ему упрёк за то, что скатывается вещищзм, потребительство, фетишизируем капитал и поощряет крайний индивидуализм, обходими суррогатом чувств, подменяя ими истинные. Вспомните «Слово о полку Игореве...», когда «...сказал брат брату: «Это моё, и то моё же». И стали князья про малое «это великое» говорить. И сами на себя крамолу ковать».

Как же все это напоминает нас, наше время! И поэтому исповедуется он, скульптор Коробцов, за себя, за всех нас. И вызывает его герой, Иван Великий, объединивший значительную часть русских земель вокруг Москвы и превративший Москву в центр единого Русского государства, добившийся окончательного освобождения страны от ордынской зависимости: «Очнитесь, братья! Хватит зависеть в Отечестве изгой! Не к лицу жить нам по принципу «это моё, и то моё же», который нам ежедневно вколачивает в души и сердца либеральная тусовка!».

Много лет назад Салтыков-Щедрин написал пророческую фразу: «Талант сам по себе бесцветен и приобретает окраску только в применении». Работы молодого и чрезвычайно даровитого скульптора Андрея Коробцова её подтверждают.

поэту и барду Булату Окуджаве. Его авторы задались целью воссоздать «кусочек арбатского двора». В композицию входят бронзовые полуарки, образующие подвотню, скамейки и стол, фигура Булата Окуджавы, бронзовая тень, уходящая во двор, и живое дерево. Литератор будто только что встал из-за стола и, держа руки в карманах, в задумчивости направляется на прогулку по знаменитым старинным улочкам Москвы, неоднократно им воспетым.

Некоторые критики тут же отнесли памятник к «попсе», к ваяниям, мимо которых «проходить страшно». Может быть с оценками они переборщили. Но ощущение душевного неприятия скульптуры действительно возникает и усиливается из-за того, что скамейки облюбовали претенденты на места в вытрезвителях, и невольно кажется, что Окуджава — из их среды. Мало что, наверное, не знает, что Булат Шалвович не чурался весёлых компаний, нередко был их гитарным магнитом. Но не этим он прославился, и не за это его увековечили в бронзе.

Андрею Коробцову, поставившему перед собой задачу снизить градус монументальной гиперболы, надо было постараться не впасть в другую крайность, продемонстрированную авторами памятника Окуджаве, и он, по мнению самых авторитетных специалистов, сумел крайности избежать. А помогли ему в этом традиции отечественной культуры, стихи Расула Гамзатова, который безупречно опозитировал легенду превращения ушедших из нас человеческих душ во всеми любимых птиц — белых журавлей, особо выделив, что благодарными птицами становятся именно воины, погибшие во имя Отечества. Вспомним:

Мне кажется порою, что солдаты, С кровавых не пришедшие полей, Не в землю нашу полегли когда-то, А превратились в белых журавлей. Они до сей поры

с времён тех дальних Летят и подают нам голоса. Не потому ли так часто и печально Мы замолкаем, глядя в небеса?

Величественный и одновременно трагический поэтический, а затем и песенный образ погибшего за Родину солдата был продолжен скульпторами. Работ не счесть. Одни из них и в самом деле удачны, другие — не очень, а третьи неудачны совсем. Но в большинстве своём их объединяет композиционно важный момент: воплощённые в журавлей человеческие души как бы уходят, улетают от нас — в неизвестность, в вечное бытие-небытие. Уходят навсегда, безвозвратно. Отсюда минорность вокала.

Коробцов оправданно и оригинально, по-своему обыграл этот смыслообразующий момент: на крыльях журавлей из неизвестности, из небытия появляется перед нами главный персонаж мемориального комплекса — солдат. Развивающаяся сзади плащ-палатка тоже напоминает крылья, на которых спешил воин к зрителю. В руках расклеванный автомат, внизу ключья обмундирования — спешил из боя. Возвращаясь к нам, он как бы парит над землёй.

Герой внутренне не отошёл от сражения. Ведомый ротным, он шёл вперёд — направо. Казалось, кто-то неведомый оберегал его от длинных пулемётных очередей, от автоматных пуль, роём летевших навстречу. Слева и справа, спере-

к покаянию, к естественному желанию быть такими, как наши предки. И это не властный рупорно звучащий призыв сталинградского монумента Вучетича к защите Отечества. Это скорее напоминаение о долге, совет, который даёт герой.

Не противопоставляю, не сравниваю, не утверждаю, будто одно лучше другого. Пишу об уместности. В одном случае уместен поднимающийся до космических высот экальпированный призыв к защите Отечества, в другом — его отдалённое эхо, благодаря которому мы преклоняемся перед воинами, сложившими головы на безымянной высоте и обрётшими бессмертие. Соотечественник, побывавший на местах боев в давние октябрьские дни, увидел на одном из осыпавшихся брустверов окопа бабочку. Он пишет в интернете: «Я по жизни достаточно циничный человек, но случаются какие-то события, и начинаешь верить в мистику. На этот раз почему-то подумалось: может это души воинов вот так приходят к месту, где лежит погибший солдат».

Коробцов мистику убрал, возведя величественный мемориальный комплекс. В наши противоречивые времена скульпторы оказались в ловушке, лишившись героев. От части «новых русских» поплахивало и поплахивает криминальным дыком. В персонажи «Бандитского Петербурга» они, конечно, годились, но объектами для ваятелей могли быть только на многочисленных погостах, куда попадают отнюдь не за высокие идеи. Рабочего с колхозницей даже на ВДНХ в те времена убрали в укромное местечко, а в реальной жизни наши новые «эстеты» окрестили их (а вместе с ними учёных, инженеров, учителей) неудачниками. Поэтому в лучшем случае они могли оказаться героями уличных скульптурок вроде сантехника в каске и с разводным ключом, выбирающегося из канализационного люка с обезумевшими глазами. Эту тенденцию зафиксировали и учёные, на школярски онауаченном, правде, языке. Мол, «анализ коммуникативных возможностей монументальной скульптуры позволяет говорить о востребованности произведений со сниженным пафосом, без абсолютистских претензий, что подводит к вопросу трансформации критериев монументализма. Известные симптомы «кризиса изыщных искусств», нацеленных на сближение с масс- и попкультурой, приводят к «демонументализации» памятников».

Можно согласиться лишь с одним: изыщные искусства переживают не самые благоприятные времена. Причина, думается, одна — кризис идей, подмена подлинных героев муляжами. Верх над изыщными балеринами взяли причисляющие себя к балеринам существа женского полу с плечами штаниста и повадками светских львиц, странно похожих на повадки уличных девок. Знать, прибывающая на таинство венчания в катафалке, иных чувств, кроме безразличия, не вызывает.

Осталась армия и героическое прошлое страны. Но и тут либеральная команда поднимает остервенелый гвалт, подвергая остракизму патриотизм. Цинично извращённая цитата классика «Патриотизм — последнее прибежище негодяев» до сих пор слышится на каждом медийном перекрёстке. Поэтому одни ваятели ушли в абстракцию, инсталляцию, с помощью двух кириличей сылясь изо-